

Не минометы разрушали дом их —
Эсэсовец спалил его дотла.
От хаты, крытой ржавою соломой,
Остались только печка да зола.
Мужчина с безучастными глазами
И с бородой, закрывшей пол-лица,
Стоит, молчит...
А женщина присела
И кормит грудью бледного мальчика.
Ребенок у худой груди заплакал —
Нет молока. Стреляют? Ерунда!
Сгорела хата? Не то забота.
Нет молока — вот главная беда!
Мы на войне ко многому привыкли,
Мы огрубели в яростной борьбе,
Но, видно, есть в голодном детском плаче
Такая боль, что нам не по себе.
Земля Шевченко в скорбных пепелищах,
Мы к западу через бои идем.
Мне каждый дом сожженный ранит сердце
Как будто это мой отцовский дом.
Война-Кресты...
И долгими ночами
Я успокоить сердце не могу.
Пускай мой стих идет в строю солдатском
И, как солдат, стреляет по врагу.